

Глава 9. Приход зимы

Сунь Цинфэн помрачнел, оставив расспросы Фу Цинчжи без ответа.

В душе зрело смутное подозрение: если дева Фу говорит правду, то её младший брат-полудемон Фу Сяо, когда-то принимавший облик Ся Цинжоу, и есть тот самый бродячий даос Ху Цзю, что обучил их Божественному искусству Золотого облика.

Цинфэн видел Ху Цзю в его истинном облике, но когда Чжао Шо расправился с Ся Цинжоу, его рядом не было. Сам же Чжао Шо никогда не встречался с даосом, оттого они и не связали эти две фигуры воедино. И всё же, судя по рассказам Линьэра, хвост покойной Ся Цинжоу точь-в-точь походил на хвост Ху Цзю.

Если так, дело принимало скверный оборот. Фу Сяо мог бы преспокойно дожидаться истечения двухсотлетнего уговора, чтобы просто забрать Золотую печать. Однако он проник в Культ Золотого света под чужой личиной — значит, наверняка разузнал о непредвиденной осечке при выплавке артефакта. И даже при этом ухитрился подделать указ главы культа, устроить резню сторонников Альянса в Миюне и превратить Культ Золотого света во врага всей Поднебесной. Зачем навлекать на себя столько хлопот, если за этим не кроется иная, куда более глубокая корысть?

Что же он замышляет? И не примет ли новую личину, чтобы известить Линьэра очередной подлостью? Сунь Цинфэн, чувствуя, как почва уходит из-под ног, бросил быстрый взгляд на мальчика и хмуро покачал головой.

За годы скитаний они научились понимать друг друга без слов — хватало единого взгляда.

Обычно простодушный, в решающие минуты мальчик умел проявить недюжинную смекалку.

— Я никогда не видел Ся Цинжоу, лишь слышал о ней краем уха, — обратился Линьэр к деве Фу. — Но я точно знаю, что она была женщиной, притом совершившей немало злодеяний. Как она могла оказаться твоим беззащитным братом-полудемоном, почти не знающим чар?

— Дома этот трусишка и пикнуть лишний раз боялся, а стоило явиться в мир смертных — гляди-ка, как осмелел!

Дева Фу усмехнулась и заносчиво расправила плечи.

— Наше племя безлико и бесформенно, — продолжила она. — Кем пожелаем, тем и обернёмся, разницы между мужчиной и женщиной для нас почти нет. А Ся Цинжоу — имя его матери. Если этого вам мало, то хвост уж точно не соврёт.

Стоило деве Фу выпрямиться, как она вспомнила про зажатую в руке недоеденную пампушку.

Спохватившись, она обнаружила, что одна половина её пышного бюста предательски сдулась. Недолго думая, она выудила из-за пазухи вторую булку и аккуратно завернула обе в чистую тряпицу. Грудь её после этого превратилась в сущую равнину. Заметив, что собеседники не выказали ни малейшего интереса к этой метаморфозе, она всё же сочла нужным пояснить:

— Я самая настоящая красавица, просто для бродячего ремесла без подобных уловок никак не обойтись.

— И что ты сделаешь, когда разыщешь его? — спросил Сунь Цинфэн.

— Верну его в мир демонов, в Куньлуньском мандала-граде воришек ждёт суровый закон, — ответила Фу Цинчжи. — Может, почтенные братья подскажут сиротке, где его искать?

Цинфэн немного помолчал, взвешивая слова, прежде чем ответить:

— Не знаю. Я сталкивался с ним, он у меня кое-что стащил. Если выйдешь на его след, перед возвращением на Границу Белого моря загляни в Лоцину Абрикосового цвета и оставь весть у источника, Внимающего снегу. Если же не отыщешь, приходи туда через девять лет. К тому времени он сам меня разыщет.

Умяв угощение, дева Фу заметно приободрилась. Она лукаво блеснула глазами и звонко хлопнула в ладоши.

— К чему такие сложности? Давайте искать его вместе! Уж я позабочусь, чтобы этот паршивец вернул всё до последней крошки.

Сунь Цинфэн презрительно фыркнул:

— Даже не думай загребать жар моими руками. Ты по уши увязла в неприятностях с этим Цзияосы, теперь тебе и шагу ступить спокойно не дадут.

Сунь Цинфэн поднялся, увлекая за собой Линьэра, и заглянул мальчику в лицо:

— Наелся? Отойти до ветру не нужно?

Мальчик густо покраснел, то кивая, то мотая головой:

— Тут же девица рядом... неудобно как-то.

Сунь Цинфэн подвёл его к самому краю крыши, под которой сиротливо жалась повозка с пожитками ищеек из Цзияосы. Принимаясь неторопливо распускать пояс, он проворчал:

— Резать их ты мне запретил, так теперь и помочиться нельзя? Эта лисица хитра и лжива, её речи надо надвое делить, да и девица ли она вообще — один бог знает.

Линьэр толком не понимал, почему Сунь Цинфэн так взъелся на смазливую Фу Цинчжи, но раз уж тот серчал, то и ему самому следовало держать ухо востро.

— Раз она тебе не по нраву, то и мне подавно, — покорно согласился он.

— С какой стати мне её жаловать? — фыркнул Сунь Цинфэн. — Давай делай дело и на меня не косись.

Мальчик смутился, но быстро смекнул: Сунь Цинфэн просто-напросто пытается бесцеремонно выжить лису. Справившись со стыдом и повернувшись к госте спиной, он, подгоняемый нуждой, приподнял подол халата и вместе со своим опекуном принялся усердно поливать стоявшую внизу телегу. Насвистывая весёлый мотивчик, Линьэр быстро управился, а затем восхищённо покосился на мужчину:

— Старший Сунь, ну ты и силён! У тебя даже это получается лучше, чем у...

— А ну помалкивай! — рявкнул Сунь Цинфэн, густо покраснев.

Зажав глаза ладонями, дева Фу пронзительно взвизгнула и бросилась прочь, собираясь спрыгнуть на землю. На её беду, нога проскользнула по гладкой черепице, она неловко взмахнула руками и с глухим стуком рухнула прямо в кузов телеги, гружённой пожитками Цзияосы.

— Фу, ну и вонища... Где это я? — простонал Чэнь Юньцин, приходя в сознание.

Получив чувствительный удар сверху, он торопливо раскидал навалившиеся тюки и обомлел, обнаружив у себя на груди распластавшуюся девицу.

— Дева Фу? Позвольте объяснить, у меня и в мыслях не было причинить вам вред!

Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Прохладный вечерний ветер кружил в воздухе редкий ивовый пух, проносившийся прямо между молодыми людьми. Лицо Чэнь Юньцина оказалось в полудюйме от лица девы Фу. Стоило ему приподняться, как их кончики носов соприкоснулись. Юноша застыл, не смея пошевелиться. В столь опасной близости он отчётливо разглядел нежный румянец на её щеках, ясные, словно родниковая вода, глаза и пухлую нижнюю губку. Разум его на миг помутился, и он окончательно лишился дара речи.

— Да ты... ты прямо как злой дух меня преследуешь! — в панике взвизгнула дева Фу.

Как назло, в этот момент мимо проходил дозорный стражник Цзияосы. Перепугавшись пуще прежнего, девица безжалостно наступила Чэнь Юньцину на живот, перемахнула через борт повозки и бросилась наутёк, не разбирая дороги.

— Вообще-то это ты меня огрела по затылку и сюда засунула, — пробормотал Чэнь Юньцин, выбираясь из груды тряпья и растерянно глядя ей вслед. — Постой, не беги! Я лишь хотел поговорить...

В телеге, прямо у его ног, сиротливо лежала оброненная беглянкой розовая шёлковая лента. Юноша осторожно подобрал её, почувствовал, как к щекам приливает жар, и виновато зашептал:

— Не смотри на непотребное, не держи в руках чужого... Какое бесстыдство, прости господи.

Подоспевший тысячник Ло Ян встревоженно оглядел юношу, справляясь о его самочувствии.

Чэнь Юньцин отмахнулся. Выслушав краткий доклад Ло Яна о дневной суматохе, он велел прекратить погоню:

— Отзовите людей. Дева Фу почти не владеет чарами и вреда никому не причинит. К тому же она дочь почтенного Фу Даньчжу, ссориться с её семейством нам не с руки. Я вернусь домой, расспрошу отца, а там видно будет.

Сунь Цинфэн, наблюдавший за всем свысока, довольно ухмыльнулся и нравоучительно изрёк:

— Похоже, этого смазливового юнца лисица вконец околдовала.

— И что нам теперь делать? — забеспокоился Линьэр.

— Позови его сюда, — велел Сунь Цинфэн.

Линьэр снял со своей косы долголетия звонкий золотой колокольчик, метко запустил им в Чэнь Юньцина и активно замахал руками, призывая подняться.

Чэнь Юньцин с ранних лет следовал канонам самосовершенствования, веря в равенство всех сущих душ, а потому не питал вражды ни к Дьявольскому культу, ни к демонам. Столкнувшись с Линьэром, он почувствовал лишь искреннюю радость давнего знакомства.

Отослав слуг, он лёгким прыжком поднялся на крышу и первым делом выразил глубокое почтение Сунь Цинфэну. Тот бой на горе Цинмин навек взвелся ему в память: тогда Цинфэн в одиночку прорвал окружение многотысячного войска, не отняв при этом ни единой жизни. Столь великое мастерство и благородство будоражили душу юноши до сих пор.

Линьэр радостно увлёк Чэнь Юньцина в разговор, спеша заверить, что за прошедшие годы не сотворил ни единого злодеяния.

Тысячник Чжэнь, рослый юноша с открытым лицом и приветливой улыбкой, располагал к себе с первого взгляда. Сунь Цинфэн, вопреки обыкновению, беседовал с ним охотно и даже попросил помочь в поисках Фу Сяо.

Чэнь Юньцин без колебаний согласился, заверив, что поимка смутьянов из мира демонов — его прямая обязанность, а потому он расшибётся в лепёшку, но отыщет беглеца.

Цинфэну редко доводилось встречать столь открытых и искренних людей. Парень напомнил ему боевых товарищей по оружию, и он решил беззлобно подшутить над ним, лукаво прищурившись:

— Помни, этот Фу Сяо приходится деве Фу родным братом. Отыщешь сорванца поскорее — глядишь, и сестрица сменит гнев на милость.

Договорить он не успел — Чэнь Юньцин мгновенно залился густой краской до самых ушей.

Пользуясь замешательством юноши, Сунь Цинфэн озадачил его делом: попросил заглянуть на пограничную заставу и выправить для них с Линьэром новые дорожные грамоты на имена Сунь Фэна и Сунь Линя.

Юноша управился на удивление быстро и вскоре разыскал их у лоточника в глухом переулке, где они присели за порцией горячих вонтонов. Чэнь Юньцин протянул Сунь Цинфэну свежие деревянные дощечки.

Сумерки сгустились над городом, и лишь редкие тусклые фонари освещали опустевшую улицу.

Сытый и разнежившийся Линьэр под тусклым светом бумажного фонаря крепко спал, прикорнув на груди у Сунь Цинфэна, тихонько сопя и надувая носом забавные пузыри.

Чэнь Юньцин не сдержал мягкой улыбки. Осторожно потрепав спящего мальчика по щеке, он негромко спросил:

— Герой Сунь, куда вы теперь держите путь? Какие у вас планы?

Сунь Цинфэн коротко кивнул в знак благодарности:

— Будем просто жить, планов не строим. Что до Фу Сяо — он, скорее всего, тот самый нечестивец, которого я безуспешно ищу уже долгие годы. От этого дела зависит жизнь Линьэра, так что очень прошу тебя, брат Чэнь, прояви усердие.

Чэнь Юньцину едва исполнилось восемнадцать — он был старше Линьэра всего-то на пять лет. Слышать столь уважительное обращение от живой легенды было лестно до крайности. Юноша торопливо закивал:

— Раз старший брат оказывает мне такое доверие, я сделаю всё, что в моих силах. Однако лисы хитры и умеют менять обличья, боюсь, быстро отыскать его не получится.

Сунь Цинфэн ободряюще похлопал его по плечу:

— Ничего, я умею ждать. Спасибо тебе.

Закончив с трапезой, Чэнь Юньцин бережно вернул оброненный золотой колокольчик.

Приняв вещь, воин поднялся и распрощался с новым знакомым. Ещё до рассвета они благополучно добрались назад, к своей уединённой каменной хижине.

Окончательно проснувшись, Линьэр тут же принялся искать матушкин оберег.

Сунь Цинфэн крепко зажал золотую безделушку в кулаке и строго произнёс:

— Слишком сильно звенит, только внимание привлекает. Больше её не носи.

— Но это матушкин подарок, — опечалился мальчик. — Она говорила, что он бережёт меня от бед.

Сунь Цинфэн сжал пальцы — податливое золото легко смялось в его ладони, и крохотная золотая горошина со звоном покатила по полу. Осознав, что сгоряча безвозвратно испортил памятную вещь, он молча протянул мальчику сплюснутый корпус, а саму горошину поспешно спрятал в рукав и неловко перевёл разговор на другое:

— Тысячник Чжэнь — парень честный и неглупый, с таким тебе дружить не зазорно. А вот от девиц вроде этой лисы держись подальше.

Линьэр покорно кивнул, но глаз от сплюснутого золотого комочка отвести не мог. Надувшись, словно ребёнок, у которого отобрали любимую игрушку, он шмыгнул носом, едва сдерживая слёзы.

Видя, как сжалось детское сердечко, Сунь Цинфэн почувствовал укол совести. Скрывая неловкость за напускной суровостью, он проворчал:

— Пока я рядом, кто посмеет тебя обидеть? Зачем тебе эти побрякушки?

— Что было, то прошло. Отец с матушкой всё равно оберегают меня с небес, — вздохнул Линьэр и вдруг повеселел.

Разглядывая помятую скорлупку, он восторженно воскликнул:

— Надо же, чистое золото — и в лепёшку! Ну и силища у тебя в руках, старший Сунь!

С этими словами он бесцеремонно ухватил огромную ладонь опекуна, принялся бережно ощупывать пальцы, словно редкое сокровище, подул на них и старательно протёр широким рукавом халата.

Сунь Цинфэн лишь покачал головой, окончательно уверившись, что мальчишка уродился на редкость простоватым, и втайне засомневался, точно ли в его жилах течёт кровь грозного Чжао Шо.

Впрочем, на душе у сурового воина всё равно скребли кошки. Опасаясь, что мальчик затаит невысказанную обиду, он глубокой ночью выбрался во двор, нарвал пушистой травы и, примостившись на крыльце, долго корпел над упрямыми стеблями, пока не смастерил забавную собачонку. После этого он тихонько вернулся в хижину и оставил игрушку у изголовья спящего приёмыша.

Попутру Линьэр обнаружил у подушки чудную вещицу — и от вчерашней грусти не осталось и следа. Схватив травяную поделку, он вихрем примчался к опекуну и уморительно захрюкал:

— Хрю-хрю-хрю!

Цинфэн просто приложил к лицу сорванца свою широкую ладонь и аккуратно отодвинул его в сторону:

— Что ещё за дикие звуки с утра пораньше?

— А разве это не поросёнок? — искренне удивился Линьэр.

— Это пёс! Пёс, глупая твоя голова! — вскипел воин. — Где ты видел свиней с такими длинными хвостами?

— И то верно, обознался, — покладисто согласился Линьэр, задорно подмигнув. — Но как тогда лает собака?

— Вот дурень, — фыркнул Сунь Цинфэн.

Но встретившись взглядом с блестящими, полными лукавства глазами мальчика, он невольно сдался. Набычившись, воин нехотя выдавил:

— Гав. Гав.

Жалеть о содеянном он начал в ту же секунду — особенно когда заметил, как Линьэр изо всех сил закусил губу, пытаясь сдержать смех. Поняв, что его бесстыдно провели вокруг пальца, великий мастер едва не задохнулся от возмущения.

— Старший Сунь сам мне собачку смастерил! — восторженно завопил Линьэр.

Подпрыгнув, он звонко чмокнул опекуна в колючую щёку и вихрем вылетел во двор.

Сунь Цинфэн застыл как громом поражённый. Осознание того, что десятилетний мальчишка обвёл его вокруг пальца, разожгло в груди нешуточный пожар. Но что ему оставалось делать? Растерянно потоптавшись на месте, он устремился к очагу, схватил тяжёлый секач и принялся с ожесточением кромсать мясо и коренья, так что нож бешено застучал по разделочной доске.

С тех пор так и повелось: стоило Сунь Цинфэну заподозрить, что его суровый нрав задел или огорчил Линьэра, он под покровом ночи уходил мастерить очередную травяную собачку, чтобы поутру та таинственным образом оказалась на краю постели мальчика.

Мальчик прекрасно понимал: эти поделки — не просто безделушки, а безмолвное, пусть и немного неуклюжее извинение сурового воина. Стоило ему представить, как грозный мастер, багровея от смущения, старательно лает по-собачьи, как обиды мгновенно таяли, уступая место весёлому смеху. В их маленьком мире не оставалось места для грусти.

Два года спустя

Весны сменялись осенью, незаметно унося с собой время. Так минуло ещё два года.

К этому времени мера крови, необходимая Линьэру, увеличилась с прежних трёх до четырёх чарок. Однажды, испив нечистой крови подстреленной дикой птицы, он жестоко занемог и едва не расстался с жизнью.

Спасая приёмыша, Сунь Цинфэн исходил все лесные тропы. Больше десятка раз он бережно взваливал Линьэра на спину и за считанные часы преодолевал по тридцать ли до ближайших лекарей. Глядя на бледное, исхудавшее личико мальчика и сжимая его крохотную ладошку, воин порой в отчаянии думал: а не бросить ли это проклятое поение кровью раз и навсегда?

Но стоило ему распахнуть ворот и взглянуть на уродливый шрам у себя на груди, как сомнения рассеивались. Без свежей крови затаившаяся в теле мальчика призрачная злоба неизбежно вырвется наружу, разорвав сосуд. Сам Цинфэн смерти не боялся — свой век он почитал оконченным, но если древнее зло вырвется на волю, земля утонет в крови. Ни сам воин, ни добрый сердцем Линьэр никогда бы себе этого не простили.

Цинфэн всерьёз опасался, что изнурённый хворью Линьэр наотрез откажется пить тёплую кровь. Он подолгу подбирал нужные слова, силясь объяснить всю тяжесть их общего бремени.

Но мальчик, замечая непривычную хмурость опекуна и видя, как тот стаптывает в кровь ноги, спасая его, чувствовал лишь глубокую вину. Позабыв про шалости, Линьэр сам попросил обучить его боевым искусствам — чтобы укрепить слабое тело и больше не обременять наставника хворями.

У Сунь Цинфэна защемило в груди. С того дня они тренировались вместе от зари до зари. С лица мальчика постепенно сошла былая болезненная бледность; пусть его кожа всё ещё оставалась белой, как нефрит, его взгляд с каждым днём становился всё более живым и ясным.

Зима в тот год выдалась на редкость мягкой и тёплой.

Накануне праздника лощину окутал лишь мелкий, тихий дождь, обойдясь без метелей. За порогом шелестела водяная взвесь, а внутри жарко топились очаг, заливая каменную хижину уютным багровым сиянием, похожим на тёплый, безмятежный сон.

Внутреннее убранство жилища почти не изменилось, разве что у стены теперь появилась просторная деревянная лежанка.

С появлением этой мебели была связана особая история.

Как-то раз Линьэр, заглянув в окно, заметил, что опекуну явно тесно на старой кушетке: длинные ноги воина неудобно свисали на земляной пол. Тогда мальчик решил отплатить добром за добро и тайне смастерить для него просторное ложе — наподобие тех травяных собачек, что появлялись у его подушки.

Сунь Цинфэн быстро заподозрил неладное. Незаметно последовав за приёмышем в абрикосовую рощу, он застал того за странным занятием: мальчик деловито собирал сухие ветки и с таинственным видом утаскивал их в чащобу, скрываясь в густых зарослях бурьяна.

Каково же было его изумление, когда он обнаружил сплетённый из тонких, в палец толщиной прутьев хлипкий каркас, отдалённо напоминающий ложе.

Сунь Цинфэн не знал, смеяться ему или плакать. Подхватив горе-плотника за шиворот, он водрузил его себе на плечо, сходил к хижине за топором, после чего за пару часов навалил

десяток крепких дубовых жердей и принялся терпеливо обучать мальчишку столярному ремеслу.

Вдвоём, провозившись добрых две недели, они наконец состругали широкую и на диво крепкую лежанку.

Линьэр примостил обе лежанки впритык у окна и остался чрезвычайно доволен результатом. Вот только во время дневного отдыха он всё равно ухитрялся перелезть на половину наставника, стараясь устроиться у него под боком. И какое бы великое мастерство ни выказывал воин, против детской настырности он был бессилен, да и неохота ему было спорить. Лишь бы малец не вздумал, пока он спит, выкладывать ему на лоб лесных улиток — на остальное мужчина закрывал глаза.

За несколько дней до наступления Нового года Сунь Цинфэн решил справить приёмышу обновку.

Примостившись у самого окна, чтобы поймать уходящий тусклый свет, он кропотливо перешивал старые одеяния Чжао Шо под мерку подросшего мальчика.

Представьте только: рослый богатырь держит огрубевшими пальцами тонкую иглу, которая едва ли превосходила размером сосновую хвоинку. Выглядел он в этот момент точь-в-точь как Великий мудрец Сунь, пытающийся ухватить пушинку. Но если сказочный Укун по первому слову подчинял себе и небо, и землю, то Сунь Цинфэн перед упрямой иглой оказался совершенно бессилен.

Отрадой для него было разве что то, что остриё, то и дело коловшее огрубевшие пальцы, не оставляло на чистой ткани грязных следов. В его теле давно почти не осталось крови.

За окном Линьэр увлечённо гонялся за запоздалой пчелой, оглашая округу звонким, беззаботным смехом.

От этого смеха у воина потеплело на душе. Он невольно улыбнулся, но тут же вернул лицу строгое выражение, откашлялся и зычно крикнул:

— Набегался? А ну живо в дом, не хватало ещё снова простуду подхватить!

— Старший Сунь! А, старший Сунь! — весело позвал Линьэр. — Выходи скорее, погляди, что я нашёл!

— Ты и с обычным булжником готов полдня провозиться, ищи дурака! — отрезал воин.

Сказав это, он поймал себя на мысли, что от долгого общения с малым сам начинает вести себя по-детски, и упрямо уткнулся в шитьё.

Линьэр осторожно просунул палец сквозь щель, легонько ткнул Цинфэна в щёку и тут же отдёрнул руку назад, таинственно зашептав:

— Да нет же, оно живое! И там такое творится!

От неожиданности игла больно уколола палец. Вздохнув, воин подумал, что его упрямство выглядит ещё глупее детских капризов. Он завязал узелок на нити, перекусил её зубами, отложил шитьё и направился к выходу.

<http://bllate.org/book/18425/1784964>